

О РАЗНОМЫСЛИИ.

Надлежитъ быть и разномыслиямъ между вами, дабы открылись между вами искусныя. (1 Коринѣ. XI, 19).

Ф. Е. Мельниковъ—Блуждающее богословіе. Выпускъ первый. Москва. 1911.

Подъ блуждающимъ богословіемъ г. Мельниковъ разумѣть русское православное богословіе. Переходя отъ богословія къ церкви, онъ разсматриваетъ русскую церковь, какъ царство раздѣлившееся на ся. Ея ученіе по его утвержденію темно и полно противорѣчій. Вся система ея богословія, „направленіе и духъ проникнуты началами латинства, протестантизма и даже атеизма“ (стр. 1). Г. Мельниковъ въ своей книгѣ русскую церковь обычно называетъ господствующею церковью, какъ бы подчеркивая несоотвѣтствіе между положеніемъ церкви и ея внутренними свойствами. Книгѣ предпослано такое „вмѣсто предисловія“.

„До настоящаго времени все еще существуетъ взглядъ на старообрядчество, какъ на обрядовѣріе. По этому взгляду, лишь незначительная обрядность раздѣляетъ старообрядцевъ отъ господствующей въ Россіи церкви. Великій церковный расколъ покоится, будто бы, только на такихъ вопросахъ, какъ сугубая аллилуія, перстосложеніе, начертаніе имени Христа Спасителя и т. п.

Авторъ настоящаго сочиненія до основанія разрушаетъ этотъ ходячій взглядъ на русскій церковный расколъ. Онъ раскрываетъ, что господствующая церковь не имѣетъ единого истиннаго ученія ни объ одномъ церковномъ таинствѣ, ни о церкви, ни о Самомъ Сынѣ Божіемъ, ни о Пречистой Его Матери.

Самое понятіе „православія“ не выяснено въ господствующей церкви.

Все богословіе ея есть сумма самых разнообразных противорѣчій, погрѣшностей, заблужденій и явныхъ еретическихъ положеній.

Съ самаго начала своего русская церковь, реформированная Никономъ, бывшимъ патріархомъ, вступила на путь богословскихъ блужданій и до сихъ поръ идетъ этимъ путемъ.

Между старообрядчествомъ и господствующимъ исповѣданіемъ—глубочайшее разногласіе въ основныхъ догматахъ церковныхъ. Авторъ доказываетъ это богословскими и полемическими книгами многочисленныхъ писателей господствующей церкви.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что настоящее сочиненіе, какъ и значится на немъ, есть только обзоръ вѣроученія господствующей церкви. Полный и обстоятельный разборъ этого вѣроученія еще ждетъ своего автора.

Настоящій обзоръ да послужитъ введеніемъ къ этому ожидаемому труду“.

Такъ, намъ православнымъ, молящимся о соединеніи церкви и миръ всего міра и думавшимъ, что разстояніе отдѣляющее насъ отъ старообрядцевъ невелико и что его можно и должно преодолѣть, г. Мельниковъ возвѣщаетъ, что насъ раздѣляетъ непереходимая бездна и что въ выпущенной имъ книгѣ это доказано. Это ужасно! Къ счастью, надписаніе на книгѣ „выпускъ первый“ и заключительныя слова „вмѣсто предисловія“ ослабляютъ это чувство ужаса. Если бы г. Мельниковъ въ подлежащей книгѣ доказалъ, что вѣроученіе русской церкви есть сумма противорѣчивыхъ заблужденій, не было бы никакой нужды прибѣгать ко второму и дальнѣйшимъ выпускамъ, посвященнымъ обстоятельному разбору этого вѣроученія. Доказательства не должны быть чрезмѣрными. Кто слишкомъ много доказываетъ, тотъ ничего не доказываетъ, говорить одна пословица. Г. Мельниковъ, обѣщая привести еще доказательства своихъ тезисовъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что приведенныя считаетъ недостаточными. На самомъ дѣлѣ его книга доказываетъ и доказываетъ довольно убѣдительно нѣчто другое, именно, что *въ русской церкви есть живая богословская мысль и притомъ такая, которая возможна лишь при наличности твердой вѣры и живой религіозности.* Я утверждаю это совершенно серьезно и говорю г. Мельникову за его книгу: спасибо.

Свой тезисъ о самопротиворѣчивости православнаго ученія г. Мельниковъ устанавливаетъ, дѣлая выписки по различнымъ вопросамъ изъ трактатовъ разномыслящихъ между собой русскихъ богослововъ и нѣкоторыхъ писателей небогослововъ (наприм., сотрудника „Новаго Времени“ Меншикова), но высказывавшихъ сужденія по вопросамъ богословія и церкви. Онъ также широко пользуется обличеніями русскихъ богослововъ, обращаемыхъ къ церкви и даже къ самимъ себѣ. Пользуясь этимъ приемомъ, г. Мельниковъ устанавливаетъ, что въ наше православное вѣроученіе внесены латинскія, протестантскія и даже атеистическія начала. Онъ утверждаетъ, что наши символическія книги еретичны, что русская и греческая церковь разновѣрны. Разновѣріе это, впрочемъ, оказывается, заключается въ различномъ отношеніи русскихъ и грековъ къ латинянамъ и болгарамъ. *Опираясь на выраженіе одного богослова, что „православіе во многомъ есть еще искомое, которое богословской наукѣ предстоитъ выяснить“*, г. Мельниковъ заключаетъ, что рускіе православные живутъ безъ понятія православія.

Сопоставляя далѣе различные взгляды и особенно полемическіе трактаты русскихъ богослововъ, г. Мельниковъ получаетъ, что господствующая церковь имѣетъ самопротиворѣчивое ученіе о Сынѣ Божіемъ, о Пресвятой Богородицѣ, о человѣческомъ зачатіи, о Церкви, о 7 таинствахъ: крещеніи, муропомазаніи, причащеніи, священствѣ, покаяніи, бракѣ и елеосвященіи. Въ своемъ послѣднемъ словѣ онъ призываетъ православныхъ обратиться къ старообрядчеству и говорить: „старообрядческая Церковь (старообрядческую церковь онъ пишетъ съ большой буквы, а господствующую съ маленькой) всегда готова подать руку помощи всѣмъ искренно идущимъ къ ней и жаждущимъ душевнаго спасенія“.

Обличеніе всегда полезно. „Ненавидящій обличеніе идетъ по слѣдамъ грѣшника“ (Ис. сына Сирах. XXI, 7), и было бы неразумно и неполезно отнестись къ книгѣ г. Мельникова только съ ироніей и насмѣшкою. Книга г. Мельникова показываетъ намъ, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ могутъ приводить слова, необдуманно брошенныя нами на бумагу и преданныя тисненію. Особенно ясно видно изъ книги нашего автора, какъ вредна полемика, переходящая на лич-

ности и разрѣшающаяся взаимными обвиненіями въ непониманіи вѣры, въ еретичествѣ, хотя такая полемика очень часто ведется по вопросамъ совсѣмъ не догматическимъ, хотя бы, наприм., по вопросу о человѣческомъ зачатіи. Да, намъ нужно быть осторожнѣе, скромнѣе и сдержаннѣе! Г. Мельниковъ намъ даетъ урокъ, которымъ съ нашей стороны неразумно было бы не воспользоваться.

Можно извлечь у г. Мельникова и еще полезныя указанія на наши недостатки. Но въ общемъ, какъ я сказалъ, его книга даетъ православнымъ основанія для того, чтобы радоваться, а не для того, чтобы скорбѣть. Книгою утверждается, что русская церковь водится духомъ жизни, а не опочила въ самодовольной косности, что ея дѣятели стремятся исполнять по мѣрѣ своихъ силъ и разумнѣя завѣтъ Христовъ о томъ, что должно познавать истину.

Прежде, чѣмъ я попытаюсь выяснитъ это, я долженъ отмѣтить одну—увѣренъ: безсознательную—ошибку г. Мельникова. Онъ смѣшиваетъ въ своей книгѣ нашу братію съ лжебратіей. У него цитируются подъ именемъ православныхъ писатели видящіе въ Библии лишь литературный памятникъ и выводящіе ее изъ Индіи, цитируются писатели дышашіе ненавистью къ русскому монашеству, цитируются православные какъ будто отдающіе предпочтеніе старообрядчеству предъ православіемъ. Пусть эти писатели записаны въ православныхъ метрикахъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже и „христіанскія овцы волною покрываются“, т. е. попросту говоря, всѣ свои права, преимущества и содержаніе получаютъ отъ Церкви за то, что обязывались служить ея благу. За всѣмъ тѣмъ ихъ нельзя причислить къ православнымъ уже по той простой причинѣ, что, находясь въ здоровомъ умѣ и зрѣломъ возрастѣ, они сами не считаютъ себя православными. Православіе для нихъ не есть искомое; православие для нихъ есть заблужденіе, съ которымъ нужно бороться. Если они иногда обнаруживаютъ симпатіи къ старообрядчеству, своими сочиненіями даютъ поддержку ему, то я скажу г. Мельникову: „надо бояться данайцевъ, даже и дары приносящихъ“. Для борьбы съ православіемъ они воспользуются и старообрядчествомъ, а съ старообрядчествомъ они надѣются справиться при помощи просвѣщенія. Такая лжебратія имѣется во всякихъ и религіозныхъ и политическихъ

обществахъ, она была и въ первохристіанскихъ церквахъ. Оставимъ ее въ покоѣ. Обратимся къ спорамъ и разногласіямъ братіи между собой.

Православіе для православныхъ есть истина, но истина, будучи даннымъ, всегда есть искомое. „Теперь знаю я отчасти“ (1 Коринѣ. XIII, 12), говоритъ ап. Павелъ и говоритъ о религіозной истинѣ. Если апостоль зналъ ее отчасти, то мы разумѣется не можемъ знать ее вполне. Мы имѣемъ Св. Писаніе, символъ вѣры, вѣроопредѣленія 7 вселенскихъ соборовъ. Всего этого достаточно для спасенія. Но каждый изъ насъ и разумомъ и сердцемъ стремится постичь истину по возможности шире и глубже. Вѣря въ догматъ, можно стремиться проникнуть въ его тайну, и ограниченность нашего разума, различіе точекъ зрѣнія и безконечность истины дѣлаетъ то, что догматъ при твердой вѣрѣ въ него можетъ быть различно понимаемъ вѣрующими. Ап. Петръ говоритъ, что въ тайну нашего спасенія „желаютъ проникнуть Ангелы“ (1 Петр. 1, 12). Отсюда мы видимъ, что тайна нашего спасенія не вполне открыта и ангеламъ, и что желаніе постичь ее болѣе, чѣмъ она открыта, присуще добрымъ и блаженнымъ духамъ. Пытаемся и мы, надѣясь на божественную помощь и по силѣ нашего разумѣнія, выяснять себѣ религіозныя истины. Мы ошибаемся въ своихъ сужденіяхъ о ней, а чаще всего бываетъ, что каждый изъ насъ всецѣло сосредоточится на одной какой-либо сторонѣ истины, упуская изъ виду другія стороны, а другой всецѣло остановится на другой, и можетъ показаться, что между ними—непримиримое противорѣчіе, а на самомъ дѣлѣ порою противорѣчія между ними и совсѣмъ можетъ не быть. Г. Мельниковъ, полагаю, вѣруетъ [въ богодухновенность и истинность Св. Писанія. Онъ долженъ вѣрить словамъ ап. Іакова: „не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами вѣра достигла совершенства? и исполнилось слово Писанія: вѣровалъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность, и онъ нареченъ другомъ Божіимъ. Видите ли, что человекъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только“ (Іак. I, 21—24). Долженъ г. Мельниковъ вѣрить и ап. Павлу. „Если Авраамъ оправдался дѣлами, онъ имѣетъ похвалу, но не предъ Богомъ.

Пбо что говорить Писаніе? повѣрилъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность. Воздаяніе дѣлающему вмѣняется не по милости, но по долгу. А недѣлающему, но вѣрующему въ Того, Кто оправдываетъ нечестиваго, вѣра его вмѣняется въ праведность. Такъ и Давидъ называетъ блаженнымъ человѣка, которому Богъ вмѣняетъ праведность независимо отъ дѣлъ: блаженны, чьи беззаконія прощены, и чьи грѣхи покрыты. Блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнить грѣха“ (къ Римл. IV, 2—8). Мы вѣримъ, что въ приведенныхъ словахъ ап. Іаковъ раскрываетъ одну сторону истины, а ап. Павелъ—другую, но если пользоваться методомъ г. Мельникова, то очень легко развить теорію, что апостолы имѣли противорѣчивые взгляды на то, чѣмъ достигается спасеніе. По методу г. Мельникова легко находить противорѣчія и въ Евангеліи.

Какъ относится г. Мельниковъ къ святоотеческимъ воззрѣніямъ? Надѣюсь, что они не вдушаютъ ему чувства безнадежности по отношенію къ вѣрѣ, которую они исповѣдывали. Но находить у нихъ разногласіе очень легко. Обратимся къ вопросу о твореніи. Св. Аѳанасій Александійскій въ спорѣ противъ аріанъ трактовавшихъ, что Христосъ есть только „рожденный прежде всякой твари“ (Колос. 1, 15), писалъ: „никакое созданіе не старше другого, всѣ виды были созданы заразъ и тѣмъ же повелѣніемъ“ (Orat. II contr. arian. n° 60 Migne). Св. Аѳанасій признавалъ, что міръ былъ созданъ мгновенно. Онъ слѣдовалъ въ этомъ воззрѣніи александрійскимъ учителямъ—Клименту (Strom VI. 16. Migne) и Оригену (De principiis I, IV, 16. Migne). Отцы церкви обыкновенно толковали, что міръ созданъ въ шесть дней. Св. Василій В. далъ намъ свой поучительный шестодневъ. Можно пойти далѣе и указать, что ~~у~~ одного того же мыслителя высказывались въ разныхъ сочиненіяхъ трудно согласимыя сужденія. Такъ у св. Григорія Нисскаго въ однихъ его произведеніяхъ говорится о вѣчныхъ мученіяхъ, а въ другихъ о возможности апокатастасиса—возстановленія и спасенія всѣхъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (сравн. Филип. 11, 10).

Нужно ли смущаться всѣмъ этимъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я обращаюсь къ области далеко отстоящей отъ богословія. Г. Мельниковъ безъ сомнѣнія, какъ и всѣ

мы, пользуется желѣзными дорогами, телеграфомъ, телефономъ, электрическимъ освѣщеніемъ, машинными издѣліями и продуктами. Наука, благодаря которой, мы имѣемъ все это, именуется физикой. То обстоятельство, что эта наука даетъ намъ все больше и больше усовершенствованныхъ орудій и приборовъ, утверждаетъ съ несомнѣнностію, что эта наука развивается и совершенствуется. Но если бы г. Мельниковъ обратился къ теоріямъ, лежащимъ въ основѣ этой науки, онъ увидаль бы, что она заключаетъ въ себѣ противорѣчій и несогласованностей гораздо больше, чѣмъ разсужденія русскихъ богослововъ. Въ самое послѣднее время усумнились въ точности и вѣрности тѣхъ законовъ, руководясь которыми, предшествовавшія поколѣнія физиковъ дѣлали свои открытія (см. С. Глаголева—Новое міропониманіе. Богословск. Вѣстн. 1911. № 1). Что же мы должны дѣлать? Перестать вѣрить въ физику, потому что ея теоріи противорѣчивы? Нѣтъ: мы будемъ въ нее попрежнему вѣрить, потому что совершаемая ею для блага человѣчества открытія безспорны.

Такъ и въ области православія. *In necessariis—unitas, in dubiis—varietas, in omnibus—caritas.* Единство—въ необходимомъ, различіе взглядовъ—въ спорномъ, любовь—во всемъ. Я сказалъ бы неправду, если бы сказалъ, что послѣдній изъ принциповъ осуществляется русскими богословами. Никакими людьми въ мірѣ онъ не осуществляется, потому что „весь міръ лежитъ во злѣ“ (1 Іоан. V, 19). Но русскіе богословы признаютъ этотъ принципъ и въ разной мѣрѣ стремятся осуществлять его въ жизни. Г. Мельникову, представляющему русскихъ богослововъ расходящимися между собою рѣшительно по всѣмъ вопросамъ религіи, они скажутъ: *id teneamus, quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum—* мы должны держаться того, что исповѣдывалось всегда, вездѣ и всѣми, т. е. что исповѣдывалось и исповѣдуется вселенскою церковью, которая непогрѣшима и членами которой по Божественной милости мы состоимъ. *Varietas in dubiis—* разномысліе въ спорномъ неизбежно и не смущаться нужно при видѣ его, а скорѣе радоваться, ибо это разномысліе при единствѣ вѣры и любви должно восполнять одни положенія другими, какъ св. Іаковъ восполнялъ св. Павла, а не вести къ взаимному уничтоженію. Поэтому ап.

Павель и говоритъ: „*надлежитъ* быть и разномысліямъ между вами, дабы открылись между вами искусныя“ (1 Коринѣ. XI, 19). „Надлежитъ“ переводить греческое *δει*—должно, а разномыслія обозначаютъ *αιρέσεις*—ереси, раздѣленія.

Я сказалъ, что книга г. Мельникова, трактующая о разномыслии русскихъ богослововъ, свидѣтельствуешь о существованіи у нихъ твердой вѣры и живой религіозности. О протестантскихъ богословахъ, разномыслія которыхъ безъ сомнѣнія извѣстны г. Мельникову, я не скажу этого. И не потому что у нихъ разномыслія больше, чѣмъ у православныхъ, и меньше единомыслія, а потому что все болѣе и болѣе проявляющееся у нихъ единомысліе состоитъ въ отрицаніи сверхъестественнаго элемента въ религіи человѣчества, въ отрицаніи Промысла, откровенія. Они боятся, что ихъ сочтутъ невѣждами, если они повѣрятъ въ воскресеніе Христа или отвергнуть животное происхожденіе человѣка. Они стыдятся вѣры въ едиnorodнаго Сына Божія. Отвергнувъ сверхъестественный элементъ въ религіи, они разсматриваютъ ее, какъ продуктъ фантазіи, и руководясь фантазіею, объясняютъ, какъ явился этотъ продуктъ. И такъ какъ ихъ фантазія не регулируется вѣрою и руководится лишь очень недостаточными и сомнительными данными, то новыя теоріи и гипотезы у нихъ возникаютъ ежедневно. Здѣсь нечему радоваться, потому что всѣ эти теоріи возникающія и исчезающія, какъ мыльные пузыри, ничего не говорятъ вѣрѣ, а пытаются объяснять невѣрію, какъ возникали заблужденія вѣры. У православныхъ, которыхъ цитируетъ г. Мельниковъ, мы видимъ совсѣмъ не то. Мы видимъ у нихъ твердую вѣру въ догматы. Они спорятъ не объ истинности догматовъ, а объ ихъ пониманіи. И то обстоятельство, что они спорятъ горячо, что одинъ богословъ, столкнувшись съ непонятнымъ для него пониманіемъ другого, разрѣшается рѣзкимъ протестомъ противъ такого пониманія, порою говоритъ оскорбительныя рѣчи и произноситъ жестокій судъ надъ своимъ собратомъ, все это свидѣтельствуешь, что обсуждаемый вопросъ для него дорогъ, жизненень, святъ. И то, что такихъ богослововъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуешь книга г. Мельникова, въ русской церкви не мало, представляетъ собою явленіе утѣшительное.

Г. Мельниковъ смотритъ на это явленіе иначе. Съ его

точки зрѣнія единой вѣры въ русской церкви не существуетъ. Дѣло его совѣсти остаться при этомъ взглядѣ или измѣнить его. Но въ его книгѣ содержится обѣщаніе дать обстоятельный разборъ вѣроученія господствующей церкви. Это обѣщаніе вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Во 1) оно есть обѣщаніе разобрать нѣчто несуществующее. Но нужно ли и можно ли бороться съ небытіемъ? Во 2) обѣщаніе это соединяется съ признаніемъ, что оно еще невыполнено и что еще ожидается авторъ, который его выполнить. Книга г. Мельникова не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ авторъ осудить русскую церковь. Но какъ же можно раньше суда составлять приговоръ? Это—преждевременно.

Я не берусь судить о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на различныхъ читателей книга г. Мельникова. Не сомнѣваюсь, что на нѣкоторыхъ она произведетъ то, которое желательно автору. Думаю, что и разборъ, имѣющій послѣдовать за обзоромъ, доставитъ удовольствіе и утѣшеніе нѣкоторымъ. Но доставитъ это утѣшеніе разборъ лишь тѣмъ, кто уже заранѣе осудилъ русское православіе, онъ будетъ сборникомъ доказательствъ для ненуждающихся въ доказательствахъ. Я не вѣрю, чтобы онъ могъ переубѣдить кого либо.

„Обстоятельный“ разборъ русскаго православія былъ давнѣе не такъ давно покойнымъ графомъ Л. Н. Толстымъ: Онъ разобралъ и пространнѣе катихизисъ митрополита Филарета и Догматическое Богословіе митрополита Макарія. Трудъ этотъ былъ для него очень легкимъ, потому что онъ вовсе не заботился о томъ, чтобы понять ученіе, онъ старался лишь осудить его. Все заставляетъ думать, что и г. Мельниковъ или какой-либо его единомышленникъ въ дѣлѣ разбора православнаго вѣроученія пойдетъ по этому же непохвальному пути.

И мнѣ не хотѣлось бы видѣть этотъ разборъ.

Но я хотѣлъ бы видѣть иное. Г. Мельниковъ своею книгою даетъ ясно понять, что старообрядцы имѣютъ строго согласное пониманіе своего вѣроученія, что у нихъ царствуетъ единомысліе въ пониманіи догматовъ, въ ученіи о церкви и таинствахъ. Изложеніе этого вѣроученія я прочиталъ бы съ глубокимъ интересомъ.

С. Глаголевъ.